

DOI: 10.22363/2224-7580-2023-3-105-117

EDN: KWCFQG

**КОНЦЕПТ «ЧЕЛОВЕК И ЖИЗНЬ» КАК ВАЖНЕЙШАЯ
КАТЕГОРИЯ В ФИЛОСОФИИ ТВОРЧЕСТВА И КУЛЬТУРЫ
МАКСИМА ГОРЬКОГО
(по материалам его писем)**

З.К. Тарланов

*Северный институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
Российская Федерация, 185005, Республика Карелия, г. Петрозаводск,
ул. Онежской флотилии, 51*

Аннотация. На материале писем М. Горького концепт «человек и жизнь» рассматривается и исследуется в качестве одной из глубинных категорий его философии художественного творчества и философии жизни. Прослеживается, как тема, связанная с человеком, с человеческой жизнью, постепенно осваивалась русской литературой с конца Средневековья и как она трансформируется и решается в творчестве Горького на рубеже XIX–XX столетий. Формулируется тезис о том, что наряду с М.В. Ломоносовым и А.С. Пушкиным Горький является символом и воплощением одного из важнейших периодов в развитии отечественной культуры. Доказывается, что целью литературы, согласно философии культуры Горького, является изображение человека как создателя и высшей стадии в развитии природы. Выявляются и систематизируются качества человека, которые неотъемлемы от его социальной сущности. Дается оценка личности самого писателя на основе многочисленных высказываний о нем отечественных и зарубежных деятелей культуры. Определяется роль и значение Горького в русской, российской и мировой литературе и культуре.

Ключевые слова: Горький, художественное творчество, русская культура, человек, созидание, реализм, история, совершенствование, достоинство, свобода, общество, гуманизм, гений, основоположник

Непрерывная тысячелетняя русская национальная культура, развиваясь как бы незаметно и обновляясь постепенно и поступательно, тем не менее, предстает в своей истории отчетливо отмеченной закономерными и последовательными периодами своеобразных качественных скачков и сдвигов.

Эти периоды, с одной стороны, демонстрируют исторически аккумулярованные поэтапные результаты, итоги поступательного развития единой и общей русской национальной культуры, а с другой стороны, знаменуют собой начала, столь же закономерно задающие импульсы к дальнейшему расширению и углублению уже определившихся, а также потенциальных процессов движения вперед той же самой национальной культуры.

Это естественно. По-другому культура с тысячелетней историей не может функционировать, удовлетворяя динамично меняющиеся общественные потребности соответствующего времени. Задача гуманитарной науки при этом состоит, в частности, и в том, чтобы выявлять и адекватно исследовать содержательную сущность и закономерности этих периодов, объективно и непредвзято оценивая их общественную для своей страны и общечеловеческую значимость.

Сами же периоды, о которых идет речь, характеризуются разной протяженностью и не всегда легко поддаются разностороннему исчерпывающему объективированию.

Чем период ближе к настоящему, чем менее он отодвинут от настоящего хронологически, тем труднее говорить о нем как об объективном и массово приемлемом феномене, на что совершенно справедливо указывал знаменитый историк русского языка и философ А.А. Потебня уже в начале своей научно-педагогической деятельности, имея в виду сам принцип восприятия общественным сознанием актуальных фактов и событий жизни.

Вводя начинающих лингвистов в историю языка и в историю науки о языке, А.А. Потебня во вступительной лекции для студентов утверждал, в частности: «Будет ли человек наблюдать за своею личною жизнью или за жизнью своего племени, во всяком случае настоящее становится доступным наблюдению, лишь когда оно отодвинулось в прошедшее, стало следом. Т[аким] о[бразом], все науки о ч[елове]ке сводятся к изучению прошедшего, к истории языка, искусства, науки, религии, права, быта, полити[ческих] учреждений» [1. С. 59].

Такие периоды в культурно-историческом развитии можно называть и переходными. Глубинный их смысл в аспекте задач гуманитарной науки в конечном счете определяется *отношением к человеку, – тем, какое место в них отводится человеку в качестве высшей ценности в жизни природы и его роли в обществе.*

Разумеется, что количество периодов упомянутого типа и гуманитарное их содержание в истории разных национальных культур разное.

В новой же истории русской культуры, следовавшей за семью столетиями древнерусской и среднерусской истории, это XVII–XVIII столетия, когда *личность человека, его язык, душевное состояние* начинают выступать в качестве *отдельного важнейшего предмета интереса и изображения в зарождающейся национальной литературе XVII в.*, как это видно уже, например, по произведениям протопопа Аввакума и демократической литературы эпохи, когда существенно расширяется «социальная база литературы», см., например [2. С. 3–4].

Воплощением вершины этого периода в научном и культурном плане являются личность и творчество Михаила Васильевича Ломоносова как ученого, мыслителя и поэта, гениального самородка из народной среды, знаменующего собой начало нового времени [3. С. 8; 4. С. 9–35].

С этого времени идет беспрецедентно интенсивный процесс становления русской национальной культуры, русской национальной литературы, русского национального литературного языка. Следующее за ним великое XIX столетие – это время расцвета классической русской литературы, ставшей признанным достоянием мировой культуры.

Символ и воплощение этого периода, как и национальной русской культуры в целом, – гениальный Александр Сергеевич Пушкин, всеобъемлюще раскрывший мощь, силу, широту, самобытность, невиданную гуманистическую нацеленность русской национальной поэзии, неотъемлемой от универсализма восприятия и отзывчивости в отношении к культурам Запада и Востока.

Именно Пушкин стоял у истоков яркой полифонии великой русской классической литературы XIX столетия. На первый план в литературе в этот период выдвигается уже другой принцип – *принцип реализма в изображении человека, принцип его социокультурной детерминированности*, характеризующий все содержание русской классической литературы.

Но это богатейшее наследие русской литературы в течение длительного времени оставалось далеко недостаточно изучаемым и малодоступным простому широкому русскому и российскому читателю. Исключением не был даже Пушкин, на что совершенно справедливо указывал А.М. Горький в письме С. Цвейгу в 1925 году: «Наш величайший гений А. Пушкин был убит 90 лет назад, и только теперь начинают его читать, понимать всю его широту, глубину его таланта и восхищаться его духовной мощью» [5. С. 196].

Как и творчество Пушкина, так и вся русская классическая литература по-настоящему были открыты для всех лишь в советский период, когда была преодолена многовековая неграмотность большинства населения страны и когда литература стала важнейшей составляющей общеобязательного среднего и профессионального высшего образования в СССР. Более того, по стандартам культуры советского времени степень осведомленности в национальной литературе, знакомство с литературными новинками воспринимались как отличительная черта человека из общества, интеллигентности и развития личности.

В этом, кроме всего прочего, состоит одна из многих выдающихся заслуг и М. Горького перед русской культурой, литературой, наукой и образованием в качестве настойчивого и авторитетного организатора и руководителя фундаментальных общегосударственных проектов, инициатором которых он был и оставался до конца жизни.

М. Горький – это символ и главный выразитель содержательно-эстетической ориентации последнего периода русской литературы – литературы советской, которая благодаря его деятельности стала неотъемлемой частью единой и великой русской литературы XIX–XX столетий.

Он был таким же гением-самородком из народа, как и Ломоносов, но жившим в другое время и гениально решавшим другие проблемы русской культуры. Составители двухтомной «Переписки Горького» совершенно справедливо писали во вступительной статье к ней: «Около семидесяти лет прожил на Земле удивительно одаренный природой Человек, пополнив

замечательную плеяду русских самородков, – М. Горький (Алексей Максимович Пешков). Его духовное развитие, его блестящее восхождение к вершинам культуры – настоящий феномен века: не получивший систематического образования, Горький стал поистине энциклопедистом, образованнейшим человеком своего времени. Эпистолярное наследие писателя позволяет проследить сложный процесс роста его личности» [6. С. 5].

Между тем роль Горького в плане развития русской культуры в XX столетии не только совершенно не осмыслена и объективно не оценена до сих пор, но и старательно замалчивается с 1990-х годов.

Горький – это один из гигантов русской литературы, литературно-художественной критики и культуры. Он органично соединял в себе творческие черты и универсализм гениальных его предшественников – Ломоносова и Пушкина в преломлении к умственным, художественно-эстетическим, общественным потребностям своего времени.

В творчестве Горького главная тема – *тема «человек в литературе»* обобщается совершенно новой гранью, дотоле невиданной в мировой практике, когда в качестве важнейшей, основополагающей задачи литературы провозглашается принцип – *изображение человека как создателя, как творца, к труду и воле которого восходит все сущее в обществе и культуре.*

В письме И.Е. Репину в 1899 году он писал, в частности: «Я не знаю ничего лучше, сложнее, интереснее человека. Он – все. Он создал даже бога. Искусство же есть только одно из высоких проявлений его творческого духа, и потому оно лишь часть человека. Я уверен, что человек способен бесконечно совершенствоваться, и вся его деятельность – вместе с ним тоже будет развиваться, – вместе с ним из века в век. Верю в бесконечность жизни, а жизнь понимаю как движение к совершенствованию духа» [7. С. 118–119]. Следовательно, *жизнь и человек*, по Горькому, – это такое единство, в котором бесконечная жизнь служит бесконечному совершенствованию человеческого духа.

Мысль о величии человека, о величии природой заложенных его возможностей для совершенствования и для построения счастливой и справедливой жизни развивается им постоянно и является доминирующей во всей его философии жизни и культуры. Более того, даже бога он понимал «как неукротимое стремление к совершенствованию, к истине и справедливости» [8. С. 141].

Горький глубоко верил, «что лучше человека ничего нет на земле...» [8. С. 141]. «Всегда был, есть и буду человекопоклонником, – писал он в том же письме Л.Н. Толстому, – только выражать это надлежало сильно не умею» [8. С. 141].

Эта мысль многократно повторяется Горьким и является для него определяющей в его философии жизни и художественного творчества. В одном из своих писем он, в частности, писал: «Для меня эта книга (Белых Г., Пантелеев Л. Республика Шкид. М. – Л., Госиздат, 1927. – 3.Т.) – праздник, она подтверждает мою веру в человека, самое удивительное, самое великое, что есть на земле нашей (курсив наш. – 3.Т.)» [9. С. 245]. Поэтому для Горького

человек «важнее всех его верований и убеждений» [10. С. 151]. Люди – «самое ценное нашей земли, они наша посылка в будущее» [11. С. 403]. Та же мысль настойчиво проводится Горьким и в обращении к К.С. Станиславскому: «Обычно пишу: будьте бодры, *верьте в жизнь и творческие силы человека* (курсив наш. – З.Т.), а Вам этого писать не надобно, и – это так хорошо, так радуется!» [12. С. 451].

А.С. Макаренко был в высшей степени прав, когда писал, обращаясь к Горькому: «...*Ваша исключительная вера в человека, нечто единственное во всей мировой литературе* (курсив наш. – З.Т.), помогает и нам верить в него» [13. С. 199].

Важнейшее качество человека, согласно Горькому, – это его включенность в деяния, *его социальная активность по отношению к другим людям и к жизни в целом*. «Мир держится деяниями, – писал он в письме Л.Н. Андрееву, – и – чем далее, тем более становится актуален, человек же, утверждающий пассивное отношение к миру, – кто бы то ни был, – мне враждебен, ибо я всю жизнь утверждал необходимость отношения активного к жизни, к людям. Здесь я фанатик» [14. С. 10–11].

То же самое, по Горькому, в принципе должно быть задачей воспитания любого человека независимо от его национальной и культурной принадлежности, чтобы жизнь во всем мире становилась лучше: «И вообще, всех людей необходимо воспитывать в любви к деянию, необходимо будить в них уважение к разуму, к человеку, миру» [15. С. 112].

Ум, разум человека при этом должен сочетаться с его умением чувствовать и сострадать. Ум, лишенный сострадания, не способен принести добро. «Людей умных, но не умеющих чувствовать, – не люблю, – писал Горький в письме И.Е. Репину. – Они все – злые, и злые низко. Равно не люблю людей – проповедников морали, тех, что считают себя призванными судить всех и вся. В них всегда вижу самомнение фарисея и готов зло смеяться над ними» [7. С. 119].

Одна из существенных составляющих концепта «человек» в понимании М. Горького, как и человека в его реальной жизни, – это вера «в незыблемость идеала и в свои силы твердо идти к нему» [16. С. 164]. Человек без идеала лишен стимула к совершенствованию.

Идеал же немислим без самоуважения, без чувства человеческого достоинства, которое облагораживает человека деяния, человека-созидателя: «Самоуважение – вот что облагораживает человека и дает ему силы. Самолюбие – нечто внешнее, нечто вроде шелковой юбки, самоуважение – это внутреннее, это как сок, как кровь. Оно воспитывается» [17. С. 209].

Согласно глубоко гуманистической философии жизни Горького, социальная значимость человека определяется его совершенством, а совершенство – внутренней цельностью, выражающейся в «желании видеть всех людей свободными внешне и внутренне, разумными, красивыми, товарищами, а не врагами друг друга». «Каждый такой человек, – продолжал он, – факел, зажженный в сумраке нашей трагической жизни...» [18. С. 318].

Совершенство же человека *предполагает его свободу, неотделимую от мужества, от умения защищать ее*: «Разве свобода возможна без мужества? Без силы? К черту людей без силы и мужества» [19. С. 268].

Достоинство человека планеты Земля состоит в том, чтобы быть «влюбленным в свою планету», далее – «в родину свою» – Россию, которая «как богата талантами» [20. С. 329].

О богатстве России талантами Горький писал не раз, и это было одним из его глубоких убеждений: «Все-таки Русь талантлива. Так же чудовищно талантлива, как несчастна» [21. С. 176–177].

Ту же мысль он подчеркивал, объясняя феномен Шаляпина в русском и мировом музыкальном искусстве: «Такие люди, каков он [Шаляпин], являются для того, чтобы напомнить всем нам: вот как силен, красив, талантлив русский народ! Вот плоть от плоти его, человек, своими силами прошедший сквозь тернии и теснины жизни, чтобы гордо встать в ряд с лучшими людьми мира, чтобы петь всем людям о России, *показать всем, как она – внутри, в глубине своей – талантлива и крупна, обаятельна. Любить Россию надо, она этого стоит, она богата великими силами и чарующей красотой* (курсив мой. – З.Т.)» [22. С. 459].

Горький – художник, раскрывавший красоту России, высоко ценил простоту талантливых ее людей, о чем свидетельствует и его самохарактеристика в письме О.Д. Форш: «Я – „извиняюсь“ – очень русский, очень варвар и, как таковой, обожаю людей, живущих без „купола“ над ними» [23. С. 282].

И он был искренен, когда выражал как бы странное пожелание К.П. Пятницкому: «Желаю Вам никогда не видеть Америки, это доброе пожелание, уверяю Вас!» [24. С. 307].

Справедливость такого пожелания особенно убедительно звучит в наше время, в первой четверти XXI столетия, когда Америка превратилась в средоточие откровенного зла и поощряемых властью человеческих пороков.

Для Горького-гуманиста принципиально важно было искать то лучшее, что есть в человеке, и это лучшее сделать целью, к которой люди должны стремиться в жизни для личного совершенствования: «Я всю жизнь искал в людях хорошие, бодрые чувства и – находил, хотя, говорят, я выдумывал их. Того, чего нет, – не выдумаешь» [25. С. 99].

Вместе с тем в минуты разочарования он с горечью говорил: «Очень много людей. Прискорбно мало человека!» [24. С. 307].

В представлении Горького «жизнь не так плоха, какой ее любят изображать в книгах, она ярче. И человек в жизни – лучше, чем в книге, даже и талантливой. Он – сложнее» [7. С. 118].

Естественная, не исковерканная жизнь – наслаждение. Исковерканную жизнь люди должны исправлять, «придавая ей форму одухотворяющую...». Одухотворяющая жизнь предполагает активное, созидательное участие в ней человека деяния, стремящегося к совершенствованию, ибо, как был убежден Горький, «лучше больше пережить, чем дольше прожить» [26. С. 37].

Именно с этой совершенно новой и историко-культурно востребованной темой человека и человеческой жизни Горький вошел в русскую литературу

в кризисные 90-е годы XIX столетия, заслуженно скоро завоевав читательское и общественное признание. Все более распространявшимся упадочническим настроением эпохи и пропаганде культа пессимизма и смерти Горький противопоставил образ Данко – героя, жертвующего собой ради других и ради жизни.

В соответствии со сказанным задача литературы, согласно Горькому, состоит в том, чтобы «запечатлеть в красках, в словах, в звуках, в формах то, что есть в человеке наилучшего, красивого, честного = благородного» [27. С. 149–150].

Эти идеи и легли в основу той теории реализма в литературе XX столетия, который впоследствии получил название реализма социалистического, берущего свое начало, таким образом, в творчестве Горького и восходящего в конечном счете к лучшим традициям русской литературы XIX столетия. Художественное творчество Горького, следовательно, – это естественный, органичный и закономерный мост между русской литературой XIX и XX веков.

Литература призвана воспевать человека, его красоту, которая неотделима от созидательного труда, считал М. Горький: «Бог создает соловья и паука, слона и блоху, и – всюду он великий творец, и во всем он художник, везде его любовь к жизни, везде напряженное стремление создать вещь как можно лучше, умнее и ярче. *Человек во всей деятельности своей, – а в искусстве всего больше, – должен быть художествен, то есть красив и силен, как бог* (курсив наш. – З.Т.)» [7. С. 119].

Горький, имея в виду роль и назначение литературы в обществе, писал в письме Д.Я. Айзману в ноябре 1904 г., что он любит «литературу, которая людям служит, и всегда горячо хочет видеть ее более сильной, яркой, смелой!» [28. С. 270]. Та же мысль подчеркнута повторяется в письме И.С. Шмелеву в феврале 1910 г.: «Я просто – человек, влюбленный в литературу от юности моя, и всегда хочу видеть ее сильной, простой, ласковой, честной, красивой и еще красивой!» [29. С. 411].

В письме И.А. Бунину, отзываясь о его повести «Деревня» как о написанной «мужественно, даже, можно сказать, – героически», Горький восторгался: «Боже мой – какое великое явление русская литература и какую мучительную любовь будит она» [30. С. 434].

Литература призвана быть содержательной, убедительной, общезначимой для людей не только одного ограниченного отрезка времени или пространства. Именно поэтому «...задача литературы найти в жизни общезначимое, типичное не только для сего дня» [31. С. 403]. Нельзя забывать, наставлял Горький, что «литература у нас, на Руси, дело священное, дело величайшее» [32. С. 43].

Литература как «дело священное» преследует свою важнейшую цель и решает своими средствами жизненно важные для общества задачи, на которые Горький указывал, в частности, в письме Р. Роллану от 18 марта 1917 года: «Наша цель – возбудить в сердцах юношества социальный романтизм, настроение любви и доверия к жизни, к людям; мы хотели бы воспитывать героическое, мужественное отношение к действительности, хотели бы

внушить человеку, что это он – творец и хозяин мира и на нем лежит ответственность за все грехи земли, точно так же, как ему слава за все прекрасное в жизни.

Надо помогать человеку освобождаться от угнетающих его разум цепей личного, классового, национального, необходима горячая проповедь духовного родства всех со всеми, проповедь культурного объединения, всемирности, универсализма» [33. С. 111].

Горький имел все основания высоко ценить человека, потому что сам был человеком прекрасной души и исключительного доброжелательства, что подтверждали все, кто знал его и хоть как-то общался с ним. А.П. Чехов считал его «по натуре лириком», с мягким тембром души», не способным «грубить, шуметь, язвить, неистово обличать...» [34. С. 113].

17 марта 1903 года Л.Н. Андреев писал В.Ф. Боцяновскому: «...Огромное влияние на мою судьбу оказал Горький. Он научил меня строгому отношению к работе и помог отыскать самого себя. Его благородная, почти нечеловеческая личность дала мне больше, чем все книги, которые я прочел, все люди, которых я знал. Я в жизнь поверил, узнавши Горького...» [35. С. 155]. В дарственной надписи на своей книге Л. Андреев называл его «энергичным собственником самой смелой, самой красивой души» [35. С. 155]. В письме в декабре 1901 г. он писал Горькому: «Ты рассердишься, а это правда, что лучшего человека, чем ты, я не видал, да и не увижу» [36. С. 199].

К.С. Станиславский, вспоминая свое знакомство с Горьким, утверждал, что «Горький сразу захватил» его «своим обаянием» [37. С. 192]. Учитель Горького по Тифлисской школе А.М. Калюжный писал, что в нем «горит огромное пламя» и учителем его «был сам бог» [38. С. 236].

Искренне благодарен был Горькому Ф.И. Шаляпин, который признавался в одном из своих писем: «Так хорошо я себя всегда чувствую, побыв с тобой, как будто выпил живой воды. Эх ты, мой милый Алексей, люблю я тебя крепко; ты как огромный костер – и светишь ярко, и греешь тепло. Дай бог тебе здоровья!..» [39. С. 38].

Потрясающе высоко отзывался о Горьком И.С. Шмелев, который в своем письме от 1 марта 1910 г. говорил, в частности: «И как родны Вы, и как Вы человечески хороши, русски хороши. Русски хороши. Это верно, верно. Ширь, простая сердечная ширь в Вас. Русская ширь, рожденная тоской, и огромность родных полей, вольной природы и души, томящейся, рвущейся и стискиваемой, которая стремится наполнить собой все вокруг, правду большую всем сказать, звать к великому счастью всех людей» [40. С. 413].

Продолжая свое восприятие Горького, И.С. Шмелев восхищался его человечностью: «Но скажу только, что самое светлое, что встречал я на своем коротком пути работника слова, это Вы, простой и душевный человек» [41. С. 417].

Все знавшие Горького с благодарностью восхищались его человеческими качествами.

Так, Г.В. Плеханов, видевший, по его признанию, «много людей», «редко выносил из встреч с ними такой запас бодрости», какой «вынес при последней встрече» с Горьким [42. С. 49].

М.М. Пришвин считал, что «поразительная отзывчивость сердца» и «огромная работа» Горького «очень многим открыли глаза» [43. С. 235].

Об «удивительной отзывчивости и редкой заботливости Горького о людях» [44. С. 256] говорил Б.Л. Пастернак, который в его дарственной надписи на поэме «Девятьсот пятый год» «с почтительной и глубокой любовью» называл его «величайшим выраженьем и оправданьем эпохи» [45. С. 255].

По представлению Л.М. Леонова, Горький – «хороший человек, очень приятный, теплый, живой...» [46. С. 262–263].

С огромной благодарностью отзывался об отношении Горького к нему А.С. Макаренко: «Спасибо еще раз за Ваше великое человеческое внимание ко мне и за ласку» [47. С. 372]. И т.д.

Таких свидетельств можно привести много.

Горький пользовался большим международным влиянием и весом, что подтверждается и его перепиской с крупнейшими писателями Европы и Америки.

Б. Шоу, приглашая Горького принять участие в «Книге памяти Шекспира», писал, обращаясь к нему, что «будет иметь высокое удовольствие включить уважаемое имя самого выдающегося писателя России» [48. С. 85–86] в эту книгу.

Герберт Джордж Уэллс обращался к Горькому словами «Мой дорогой Горький» [49. С. 122]. На смерть Горького откликнулся телеграммой, высоко оценив разные грани его творческой деятельности: «Отошла в вечность еще одна из великих фигур, выдвинутых революционным процессом в России. Скончался мировой писатель. Его произведения остаются непревзойденным шедевром. Но значение Горького не исчерпывается художественной литературой в собственном смысле слова. Горький играл большую роль в том, что может быть названо “политикой сознания”» [50. С. 122].

Р. Роллан говорил, что Горький был «подобен высокой арке, соединяющей два мира, прошлый и будущий, а также Россию и Запад» [51. С. 107].

Ф. Нансен призывал Горького не пренебрегать своим здоровьем, потому что его «жизнь слишком драгоценна для всего мира, так же как и для... родины» его [52. С. 129].

Анри Барбюс считал Максима Горького «одним из самых значительных писателей, может быть, даже самым значительным», что «вытекает прежде всего из литературной ценности, то есть из блеска и мощи его творчества» [53. С. 145].

Стефан Цвейг обращался к Горькому только со словами «Мой дорогой, дорогой мэтр!» [54. С. 171], «Дорогой и великий Максим Горький!», называя его «великим художником» [55. С. 195].

В заключение оценок и суждений русских и европейских писателей о Горьком как о человеке великой души и гениальном писателе приведу слова

самого писателя, адресованные Ф.И. Шаляпину, но относящиеся к характеристике российской действительности: «Не умеем мы ценить себя, плохо знаем нашу скучную и тяжкую историю, не понимаем ясно своих заслуг пред родной...» [56. С. 36].

Едва ли кого можно поставить в XX столетии рядом с Горьким в его возвышенном и возвышающем отношении к человеку-созидателю, которое составляет основу его философии жизни и культуры. Едва ли кто в мировой литературе так разносторонне и с таким уважением представлял человека в качестве предмета художественного изображения и исследования, как это прослеживается в творчестве Горького. При этом понятия *человек* и *жизнь*, *человек* и *общество* образуют нераздельное единство. Можно уверенно утверждать, что Горький – наиболее яркий выразитель коллективистской ментальности русской национальной психологии. Это не может не быть поводом для формулирования существенных сторон и русской этнической философии и этнической ментальности в целом.

Заслуги М. Горького перед Родиной, перед Россией и перед другими народами исторической России огромны, и он должен занять свое заслуженно высокое место в современной российской культуре и системе образования. Не подобает в угоду кому-то или в угоду каким-то преходящим сомнительным ценностям разбрасываться национальными гениями. На них, на их примере прежде всего должно строиться воспитание молодежи, воспитание ответственных членов общества, не лишеного своих ценностей, и ответственных граждан государства.

Ситуация, которая сложилась в 10–20-е годы XXI столетия в России и в Европе, – убедительное тому доказательство.

Литература

1. *Потебня А. А.* Вступительная лекция к исторической грамматике русского языка // Олександр Опанасович Потебня: юбілейний збірник до 125річчя з дня народження. Київ, 1962.
2. *Буланин Д.* Последнее столетие древнерусской книжности // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1 / отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 1992.
3. *Акад. Ж. И. Алферов.* Обращение к читателям // Сборник статей и материалов, посвященных 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова: торжественное заседание 17.11.2011 г., СПбНЦ РАН. СПб., 2011.
4. *Русанов А. И.* Ломоносов – сын своего времени // Сборник статей и материалов, посвященных 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова: торжественное заседание 17.11.2011 г., СПбНЦ РАН. СПб., 2011.
5. *Горький – С. Цвейгу*, 11 мая 1925, Сорренто // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
6. *Семашкина М. А., Евстигнеева Л. А., Прохоров Е. И.* Вступительная статья // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
7. *Горький – И. Е. Репину*; 23 ноября 1899, Н. Новгород // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
8. *Горький – Л. Н. Толстому*, 14 или 15 февраля 1900, Н. Новгород // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.

9. Из примечания. *Горький – К. А. Федину*, 16 марта 1927, Сорренто // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
10. *Горький – В. В. Вересаеву*, 12 или 13 сентября 1900, Н. Новгород // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
11. *Горький – Л. А. Никифоровой*, начало (середина) ноября, 1909, Капри // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
12. *Горький – К. С. Станиславскому*, апрель, около 15 (28) 1911, Капри // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
13. *Макаренко А. С. – Горькому*, 8 июля 1925, Полтава // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
14. *Горький – Л. Н. Андрееву*, середина марта 1912, Капри // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
15. *Горький – Р. Роллану*, середина февраля – 18 марта 1917, Петроград // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
16. *Горький – К. П. Пятницкому*, 22 или 23 января 1901, Н. Новгород // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
17. *Горький – Е. К. Малиновской*, февраль или начала марта 1902, Олеиз // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
18. *Горький – Д. Я. Айзману*, 24 ноября (7 декабря) 1906, Капри // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
19. *Горький – Л. Н. Андрееву*, 13 или 15 ноября 1904, Петербург // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
20. *Горький – А. Н. Толстому*, 1 июня 1932, Москва // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
21. *Горький – М. Ф. Андреевой*, 4 февраля 1924, Мариенбад // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
22. *Горький – Н. Е. Буренину*, сентябрь, между 2 и 11 (15 и 24) 1911, Капри // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
23. *Горький – О. Д. Форш*, 7 мая 1929, Сорренто // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
24. *Горький – К. П. Пятницкому*, 11 (24) августа 1906, Адирондак // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
25. *Горький – В. Г. Короленко*, 21 и 22 октября 1916, Петроград // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
26. *Горький – И. А. Картиковскому*, начало 1892, Тифлис // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
27. *Горький – К. П. Пятницкому*, 25 или 26 июля 1900, Мануйловка // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
28. *Горький – Д. Я. Айзману*, 21 ноября 1904, Петербург // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
29. *Горький – И. С. Шмелеву*, 22 февраля (7 марта) 1910, Капри // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
30. *Горький – И. А. Бунину*, 23 ноября (6 декабря) 1910, Капри // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
31. *Горький – Л. А. Никифоровой*, начало (середина) ноября, 1909, Капри // Переписка М. Горького. В 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
32. *Горький – Д. Н. Семеновскому*, 13 (26) мая 1913, Капри // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.

33. *Горький – Р. Роллану*, середина февраля – 18 марта 1917, Петроград // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
34. *Чехов А. П. – Горькому*, 3 сентября 1899, Ялта // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
35. Справка составителей тома к письму 77. *Горький – Л. Н. Андрееву*, 15 декабря 1900, Н. Новгород // Переписка М. Горького. В 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
36. *Андреев Л. Н. – Горькому*, 10 или 17 декабря 1901, Москва // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
37. Из примечания об истории знакомства Горького со Станиславским. *Горький – К. С. Станиславскому*, ноябрь, до 7, 1901, Н. Новгород // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
38. *Калужный А. М.* (учитель Пешкова в Тифлисе. – З.Т.) – *Горькому*, август 1903, Тифлис // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
39. *Шаялин Ф.И. – Горькому*, около 18 февраля (3 марта) 1913, Берлин // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
40. *Шмелев И. С. – Горькому*, 1 марта 1910, Москва // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
41. *Шмелев И. С. – Горькому*, 13 марта 1910, Москва // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1986.
42. *Плеханов Г. В. – Горькому*, 19 июня (2 июля) 1913, Сан-Ремо // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
43. *Пришвин М. М. – Горькому*, 2 февраля 1927, Сергиев // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
44. *Пастернак Б. Л. – Горькому*, 10 октября 1927, Москва // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
45. 20/IX – 27. Москва» (ЛБГ) – примечания. *Горький – Б. Л. Пастернаку*, 4 октября 1927, Сорренто // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
46. *Леонов Л. М. – Горькому*, 10 января 1928, Москва // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
47. *Макаренко А. С. – Горькому*, февраль 1935, Харьков // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
48. *Шоу Б. – Горькому*, 3 (19) января 1916, Лондон // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II.
49. *Уэллс Г.-Дж. – Горькому*, 11 февраля 1920, Лондон // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
50. Из примечания (331. *Уэллс Г.-Дж. – Горькому*, 11 февраля 1920, Лондон) // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
51. Из поздравления Роллана Горькому в связи с 50-летием // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II, С. 107 (примечания составителей). М.: Художественная литература, 1986.
52. *Нансен Ф. – Горькому*, 2 сентября 1920, Люсакер, Норвегия // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
53. Из примечания. *С. Барбюс А. – Горькому*, начало ноября 1921, Париж // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
54. *Цвейг С. – Горькому*, 3 ноября 1923, Зальцбург // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
55. *Цвейг С. – Горькому*, между 13 и 18 апреля 1925, Зальцбург // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.
56. *Горький – Ф. И. Шаялину*, 16 февраля (1 марта) 1913, Капри // Переписка М. Горького: в 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986.

**THE CONCEPT “PERSON AND LIFE”
AS THE MAJOR CATEGORY IN PHILOSOPHY OF CREATIVITY
AND CULTURE OF MAXIM GORKY
(ON THE MATERIALS OF HIS LETTERS)**

Z.K. Tarlanov

*Northern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
51 Onega Flotilla St, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185005,
Russian Federation*

Abstract. In the article, based on the material of M. Gorky’s letters, the concept of “man and life” is considered and investigated as one of the deep categories of his philosophy of artistic creativity and philosophy of life. It is traced how the theme associated with man, with human life, was gradually mastered by Russian literature since the end of the Middle Ages and how it was transformed and solved in Gorky’s work at the turn of the XIX–XX centuries. The thesis is formulated that, along with M.V. Lomonosov and A.S. Pushkin, Gorky is a symbol and embodiment of one of the most important periods in the development of Russian culture. It is proved that the purpose of literature, according to Gorky’s philosophy of culture, is to depict man as a creator and the highest stage in the development of nature. The qualities of a person that are integral to his social essence are identified and systematized. An assessment of the personality of the writer himself is given on the basis of numerous statements about him by domestic and foreign cultural figures. The role and significance of Gorky in Russian, Russian and world literature and culture is determined.

Keywords: Gorky, artistic creativity, Russian culture, man, creation, realism, history, perfection, dignity, freedom, society, humanism, genius, founder